

Аул Тегенокой

Повесть-легенда

Несколько лет назад в «Ставрополье» печаталась одна из лучших повестей зачинателя черкесской литературы Абдулаха Охтова — «Камень Асият». Он родился в 1909 году в ауле Бесленей в семье крестьянина, получил образование при Советской власти и начал писать рано, с 18 лет. В 1934 году Охтова приняли в члены Союза писателей СССР. И вот в прошлом году Охтова не стало...

Он умер буквально за письменным столом в 1971 г., работая над своей последней повестью «Аул Тегенокой». Он с этой повестью намеревался встретить 50-летний юбилей СССР, вложил в нее свою душу, попытался образно осмыслить роль истинного писателя в обществе. Будучи глубоко партийным художником, Абдулах Охтов в образе джагуако Огурлы выразил свой идеал поэта, писателя, мысли и поступки которого никогда не расходятся, который всегда с народом, на стороне трудящихся и в своем творчестве непоколебимо правдив, революционен...

Есть в горах Кавказа на древней земле черкесов маленькая, но уютная долина. Она со всех сторон окружена громадными красноватыми скалами, отвесные склоны которых густо покрыты дремучим лесом. Кажется чудом, что столь огромные деревья сумели закрепиться на такой крутизне. Здесь почти всегда синее небо и безветренно. Иной раз кажется, что солнце питает к этой долине особое пристрастие и потому так ласковы и горячи его лучи даже в короткие зимние дни, когда трещат от мороза вековые ели и срываются вниз снежные лавины.

Путь в долину лежит через узкое ущелье, по которому мчится белая, неукротимая в своем движении река Ходзь. И надо обойти не одну гору и оставить позади не одно большое ущелье, чтобы попасть к водопадам и там кружить среди скал до тех пор, пока асфальтовая дорога не выведет вас к совершенно незаметному проходу в долину. Отсюда, с высоты птичьего полета, вы внезапно увидите, как на ладони, аул Новый Тегенокой — любимое место туристов из многих стран мира.

Если вы любознательный человек и спросите: «А где же старый аул Тегенокой?», вам внимательно посмотрят в глаза и махнут рукой в сторону севера. Мол, был где-то там и нет его, как нет давно наших угнетателей — князя Пшикана и ему верных орков, против

которых однажды восстали люди.

Если вас не удовлетворит такой ответ, не спешите с другими вопросами. Когда вы освоитесь в нашем ауле и познакомитесь с его свободными и счастливыми жителями, вы непременно услышите от задумчивых стариков песни и легенды о тех, кто основал Новый Тегенокой. Вы узнаете, что истинные песнопевцы, какими были в прошлом знаменитый Огурлы или его внучка Сатаней, обладают даром пророчества, предвидения, и недаром много лет назад пролилась кровь простых людей в смертельной схватке за свободу и независимость...

1.

Странные люди, эти старые черкесы из аула Новый Тегенокой! Они всегда глубоко задумываются над тем, как начать свой неторопливый и обстоятельный рассказ о тех давних осенних днях, когда состоялась свадьба в доме князя Пшикана Тегенокова. Дни стояли сухие и теплые, а ночами полная луна так ярко освещала берега стремительной Ходзи, что при ее свете легко было отыскать нечаянно оброненную иголку.

Князь женил своего сына, и свадьба продолжалась уже шесть дней и шесть ночей без перерыва. Доволен был надменный Пшикан, потому что невесту взяли из знатного княжеского рода. И он,

хвалясь своей удачей, велел держать двери дома открытыми для всех. Пусть заходит любой и видит его богатство, многочисленных гостей из близких и дальних аулов. Для князя с гостями — праздник, а для жителей аула прибавилось хлопот. Вот уже шесть дней и шесть ночей жители аула в непрерывных заботах, не занимаются домашними делами, не выходят в поле на работу. Они готовят для князя лучшие кушанья. Во двор Пшикана холопы и тхукотли тащили упирающихся баранов, мычащих нетельных коров, непоседливых кур и важных индюков; тут же во дворе резали их и кидали разделанное мясо в огромные котлы с кипящей водой. Ничего не жалеют они, лишь бы угодить князю, показать, как они ему преданы.

Но вот настал седьмой, заключительный день свадьбы. В этот день по обычаю должны быть скачки, игры и показ невесты. Ее, красивую и нарядно одетую, ведут из лэгуны во двор, и пойдет она по мехам и бархату. Ей будут салютовать выстрелами и громкими криками восхищения.

Князь Пшикан стоял в окружении своих воинов и зорко оглядывал шумную толпу гостей. Хоть он и выпил за последние дни много бузы, но чувствовал себя трезвым и сразу заметил, что среди собравшихся на последний день свадьбы нет старика Огурлы.

Семидесятилетний Огурлы прославился по всей земле черкесов как сочинитель песен, которые он охотно пел во многих аулах под аккомпанимент своей шичапшины.

Пшикан наклонился к уху самого верного орка и тихо спросил:

— Камболат, скажи мне, разве за все дни не приходил на свадьбу моего сына знаменитый Огурлы?

— Нет, князь,— отвечал Камболат.— Огурлы не пришел даже поздравить тебя, и почетные гости удивлены!

Гнев охватил князя Пшикана, и он хотел отдать воинам приказ, чтобы гордого старика привели на свадьбу силой, но сдержался. Даже ему, князю и

всесильному владыке аула Тегенокой, не положено нарушать старинный обычай: джагуако в горах Черкесии — люди неприкосновенные, и никто не может мстить им за песни, какие бы они ни сочиняли. Огурлы же был среди всех джагуако самым знаменитым, и о его гордом непреклонном характере ходили легенды. Он жил одиноко и бедно вместе со своей внучкой Сатаней, которая еще в четырнадцать лет прославилась как искусная рукодельница. Она умела шить любую одежду, вышивать золотом и готовить халву, как никакая другая женщина или девушка в черкесских аулах. Но говорят в народе: «Враг лисы — это ее собственная шкура». Так случилось и у Сатаней, когда она достигла восемнадцати лет и превратилась в редкую красавицу. Поэтому ее называли еще и так — Даха, т. е. Красивая. И многие молодые джигиты стали просить ее руки, но она всем отказывала, потому что любила Ажигирея из рода Джатагажевых. Ажигирей платил девушке взаимностью, и старик Огурлы это знал. Ему нравился сильный и смелый Ажигирей. Он хотел бы, чтобы мужем Сатаней-Даха стал именно Ажигирей, но колебались Джатагажевы. Они боялись мести князя Пшикана, который давно заметил девушку и мечтал при удобном случае сделать ее служанкой в своем доме. Мать Пшикана — толстая и важная княгиня Туркхан поняла затаенное желание сына и не один раз предлагала Сатаней стать служанкой в доме князя. Особенно настойчивой стала Туркхан, когда забеременела жена Пшикана, перестала выполнять свои супружеские обязанности. По обычаю тех времен, ее могла бы заменить одна из служанок, самая красивая, но таких не было в доме князя.

Не будь Огурлы, куда бы делась Сатаней — бедная сирота без сильных защитников! Пришлось бы ей идти служанкой в дом князя. Но рядом с ней был гордый дед, руки которого уже давно не могут удержать саблю или кинжал, а глаза слабо видят. Так что и ружье, и пистолет тоже не помогли бы старику. Но Огурлы, старый и немощный, имел самое

сильное оружие в горах — народную славу. Поэтому отказы Сатаней обидели Туркхан, но отомстить девушке она не могла. Она надеялась на удобный случай и потому часто приглашала ее в княжеский дом. Пригласила и на свадьбу внука.

Сам Огурлы не пошел на свадьбу, но запретить сделать это Сатаней он не смог. Он слишком любил внуку, и ему показалось, что нет ничего худого, если девушка повеселится, потанцует на многолюдной свадьбе. Кроме того, был ведь на свадьбе и ее возлюбленный — Ажигирей. Огурлы знал, что храбрый джигит защитит девушку от насилия, не даст в обиду.

Шесть дней веселилась и танцевала Сатаней, вызывая восхищение гостей, А танцы проходили во дворе княжеского дома, и зурнач — особенно его подпевалы — пожилые мужчины — не один раз просили отдыха и для поддержания сил жадно пили из больших бронзовых кувшинов бузу, потом танцы начинались снова.

На седьмой день, после того, как показали невесту, во двор вышли танцевать почетные гости. Они завладели кругом, и танцевали с ними только знатные девушки, а простым заходить в круг было нельзя. Джагуако из соседнего аула словно забыв о своих сединых и, стараясь угодить князьям, разошелся вовсю и носился по кругу быстрее ветра. Он пел, визгливо кричал, перекрывая музыку и охрипших, одуревших от усталости подпевал зурнача.

— Слушайте, люди! На нашем танце присутствует знаменитый князь Канок Таулустан. Ему земной поклон. Он удостоил нас высокой чести, приехав на свадьбу. Здесь же и другие князья, известные и по ту сторону гор. Такой свадьбы еще не бывало в нашем ауле.

А довольный Пшикан стоял неподалеку и, поглаживая свою седеющую бороду, ни во что не вмешивался, как положено скромному и хлебосольному хозяину. Но когда танцевать вышел князь Таулустан, статный, красивый, одетый в белую черкеску, Пшикан не выдержал и

дал знак льстивому джагуако из соседнего аула, мол, кричи громче и хвали сильнее. Однако тот и сам сообразил, что ему надо делать, и под звуки пистолетных выстрелов завопил на весь аул:

— Люди, танцует большой князь Канок из долины Лабы. И с ним танцует княжна из рода Жанокых, самая красивая на свете княжна!

После танца разгоряченный Канок вытащил из кармана сторублевую ассигнацию и небрежно передал ее захудалому князю, чтобы тот, а не он сам, вручил ее джагуако, и затем хвастливо поднял руки вверх. В толпе заахали, пораженные щедростью самого почетного гостя. Если кто давал джагуако деньги до этого, то суммы были много меньше — пять, десять рублей, за которые можно купить в лучшем случае осла или дюжину баранов. Сто рублей — стоимость четырех лошадей!

Разумеется, были среди гостей и такие, кто мог бы без особого ущерба для себя выложить и больше денег, но это унизило бы самого могущественного князя, вспыльчивого и драчливого Канок. И свадьба может превратиться в кровавую схватку. Вот почему напрягся Пшикан, оглядывая гостей. Вдруг среди них найдется опьяненный бузой, музыкой и собственной щедростью хвастун и предложит джагуако больше?

Между тем среди танцоров началось соревнование. Одна пара была лучше другой, сменяли друг друга в неистовом темпе. И тут в круг вышел статный Ажигирей. Он был в короткой серой черкеске, на голове черная каракулевая шапка, на ногах — красные сафьяновые ноговицы. Придерживая кинжал в серебряных ножнах и затем передвинув его немного вперед по поясу, так, что пояс блеснул золотыми бляшками, Ажигирей вытащил из кармана серой черкески сто рублей и спокойно протянул их джагуако. Все изумились, этой дерзости, и зурнач на мгновение замолк, выпучив глаза. Завизжал от ярости один из орков князя Таулустана, и звякнули кинжалы в ножнах у многих князей, но победила

выдержка, и Ажигирей, как вихрь, влетел в круг. Тотчас ему навстречу выплыла Сатаней, и так они красиво танцевали, что все невольно стали хлопать в ладоши и покачиваться в такт музыке обезумевшего зурнача.

А князь Таулустан быстрым шагом подошел к бледному, словно лишенному крови, хозяину дома и отрывисто спросил:

— Кто они?

— Ажигирей из рода Джатагажевых,— отвечал бледный князь Пшикан.— А девушка по имени Сатаней — внучка Огурлы.

— У тебя нахальные холопы,— холодно заметил Таулустан. Разве не ты хозяин в своем ауле?

А солнце уже склонялось к закату. Когда оно готово было скрыться за горы, настало время невесты, которая уже стояла у входа в дом: ее повели по шкурам животных и по кускам разноцветного бархата, густо усыпанного серебряными монетами. Она — будущая хозяйка — шла медленно и словно не слышала неистовую стрельбу из ружей. На кухне ей помазали губы медом и столь же торжественно вывели через двор в горницу. После этого началась игра шуретлес. Смысл ее заключается в том, что одни, оседлав лошадей, начали штурмовать комнату невесты, а другие, взяв в руки лозы, обороняли двери. Долго шла яростная схватка. Лозы защитников сломались и стали короткими, как простые палки. В конце концов одному из нападавших княжичей удалось прорвать оборону. На коне он ворвался в комнату, где была невеста и ее подруги. Когда он вышел, то люди увидели, что его нарядный блестящий бешмет лопнул вдоль спины от удара лозой. А лошадь его осталась в комнате, и там ее девушки украсили шелковым платком с бахромой и лентами, вплетенными в гриву. Лишь после этого самый старший из присутствующих удивленно воскликнул:

— Люди, гость приехал к нам в новом бешмете, но он лопнул и долг девушек нашего аула починить бешмет. Если они не смогут этого сделать, какие

же из них получатся жены?

Задача была не простая. Ведь бешмет надо было заштопать так, чтобы самый придирчивый человек не смог узнать, где заштопанное место.

— Пусть гость снимет свой красивый бешмет, и мы заштопаем его на славу,— стали просить лучшие рукодельницы из знатных фамилий, но старший со вздохом покачал головой.

— Гость не должен раздеваться. Именно на нем бешмет должен стать целым.

Такое было под силу немногим девушкам, и они заколебались.

И тут к княжичу подошла с иглой и ниткой в руках красавица Сатаней. Конечно, она была не из княжеской фамилии и с орками она не имела родства, но ее не остановили. Она была внучкой знаменитого Огурлы и, как считали многие, имела право показать свое удивительное искусство на людях.

Сатаней быстро и умело заштопала бешмет и с улыбкой сказала княжичу:

— Носи на счастье!

Но не эта новая дерзость Сатаней окончательно обозлила многих самодовольных князей и орков. Их потряс поступок победителя скачек, который, не будучи простолюдином, отдал предпочтение простолюдинке Сатаней. Он, завоевав флаг соревнований, прискакал ко двору старого Огурлы и с криком бросил флаг на порог дома:

— Это тебе, прекрасная Сатаней!

Так он использовал свое неотъемлемое право победителя — оказать почет и уважение девушке по своему выбору, на его взгляд самой красивой и самой мужественной. И в ауле Тегенокой никто не сомневался в справедливости его поступка, лишь князь Пшикан был вне себя от ярости и сказал надменному, холодно улыбавшемуся князю Таулустану:

— Ничего, придет мое время, и я убью Ажигирея. Сатаней сделаю своей служанкой и заставлю гордого Огурлы прославлять меня в своих песнях. Так будет, потому что так хочу!

2.

И вот наступила весна. Зеленые сочные травы настолько поднялись, что кони стали наедаться меньше чем за половину дня. И нетерпеливые джигиты, собираясь в дальнюю дорогу, перестали брать корм для коней. Леса стали густыми от листьев, и в них легко было скрыться от вражеских глаз. Такая ранняя, дружная весна бывает в горах не каждый год, и ее особенно оценили те, кто любил набеги. От бурных весенних дождей разливаются горные реки, меняются места бродов. Это выгодно грабителям, которых трудно преследовать...

Князь Пшикан всю зиму думал о набеге, готовился к нему, и удачная весна обрадовала его. На этот раз он решил не только ограбить дальние поселения в низовьях реки Ходзь, но и скрыться от преследования в сторону Черного моря, достичь границ Крымского ханства. Ему не давали покоя честолюбивые мысли заключить с повелителем татар военный союз и стать таким образом самым могущественным князем в Черкесии.

Когда настало время отправляться в путь, Пшикан вызвал к себе самого преданного ему орка Камболат и сказал:

— Иди к старику Огурлы и пригласи его в мой хачеш. Я буду ждать его. Скажи, у меня с ним будет серьезный разговор.

Камболат с недоумением поглядел на князя. Орк хорошо помнил события во время свадьбы и знал, как не любил Пшикан гордого старика.

— Он откажется прийти в твой хачеш, князь,— сказал Камболат.

— Это возможно. Он может обидеть меня своим отказом и ничего не сделаешь, Камболат. Черкесский обычай не позволяет мне наказать гордеца за непочтительность. Но придет время, и я упраздню этот неумный обычай. А сегодня ты иди, проси старика, будь вежливым. Так нужно для дела!

Не привык нахальный орк Камболат быть вежливым с холопами и просить о чем-либо даже знаменитого

певца Огурлы, но делать нечего! С князем спорить нельзя. В гневе князь страшнее обвала в горах.

В хачеше Огурлы, куда зашел Камболат, сидели седобородые старики, а два молодых парня почтительно стояли у двери. Огурлы, сидя на старой дубовой кровати, мягко трогал пальцами струны своей шичапшины и негромко пел о подвигах Адемыркана, народного героя. Старики хором подпевали ему, а молодые парни слушали и запоминали. Настанет время, и они передадут почти дословно песню Огурлы своим детям и внукам. Люди не имеют права забывать героев, их яркая жизнь, дела — пример для начинающих жить.

И столько было силы, страсти и красоты в песне, что Камболат невольно заслушался и робко остановился у порога, тоже стал запоминать слова песни, как и два молодых парня. Он, как и они, шевелил губами и в такт мелодии покачивал головой. Взгляд его свирепых, немигающих глаз потеплел и стал чистым, как вода родника, около которого стоял дом Камболата и из которого он пил воду с первых дней своей жизни.

Когда песня закончилась, Камболат отдал салам. В его голосе было искреннее почтение, и старики встали, приняли салам незваного гостя, пригласили сесть, указав на место для младших. Взгляд Камболата потемнел, и он еле сдержал гнев, хотя с детства знал, что в хачеше Огурлы на почетное место всегда сажают только старших по возрасту, а не знатных орков или князей. И еще он помнил приказ Пшикана, поэтому вежливо сказал:

— Я спешу и поэтому не могу сесть.

— Это твое дело, Камболат,— с улыбкой заметил Огурлы, понимая состояние княжеского посланца. — Говори стоя, что тебя привело в мою бедную саклю?

Камболат ответил. Огурлы на мгновение задумался и резко провел по струнам шичапшины. Скрипка загудела протяжно и грозно, словно звала в бой.

— Хорошо, я приду, но князю

придется подождать. У меня уважаемые гости, и я не могу покинуть их до тех пор, пока не спою все песни, которые они хотят услышать.

— Огурлы!— воскликнул Камболат, удивляясь смелости безродного старика,— ты знаешь столько песен, что можешь их петь семь дней и семь ночей. Неужели князь должен так долго ждать тебя?

— Это его дело. Не может ждать, тогда я не приду. Так и передай Пшикану.

А гости Огурлы сидели молча и понимали, что старый певец отвечает очень рискованно, что злопамятный князь Пшикан никогда не простит ему этого. И в то же время они знали негибемый характер старика и его мужество, которое никогда не изменяло ему всю жизнь.

Когда Камболат ушел и его уход был скорее всего похож на позорное бегство, Огурлы спокойно сказал:

— Пшикан явно задумал недоброе. Наверное, это последняя наша схватка, а силы мои уже не те. Я стар и немощен, но князя не боюсь.

Один из молодых джигитов, выслушав певца, горячо воскликнул:

— Огурлы, дней, которые ты проведешь на этой земле, осталось мало. Ты долго и верно служил людям и заслужил отдых и спокойную старость. Не зли всемогущего князя!

Огурлы нахмурился, и сжалось у него сердце от недоброго предчувствия. Не за себя он беспокоится, так как считал, что, чем старше человек, тем меньше он должен бояться смерти. Он задумался о судьбе Сатаней, у которой нет защитников, нет отца, братьев. Может, ради нее, действительно, не стоит еще раз злить Пшикана?

Но песни всегда помогали Огурлы в трудные минуты. Поэтому он ничего не ответил юноше, не высказал своей тревоги о судьбе внучки и запел так вдохновенно, что молодой джигит испытал стыд за свои слова и понял — не нужны отдых и спокойная старость испытанным джагуако. Они всегда

молоды духом, душою и служат народу своим искусством до самого последнего вздоха.

Вечером того же дня гости ушли. Огурлы неторопливо оделся, обулся, но перед тем, как пойти к князю, позвал Сатаней и сказал:

— Ты меня прости. Не положено старикам говорить о таких вещах с младшими. Но я нарушу этот старый обычай горцев и хочу дать тебе необычный совет: будь неразлучна с Ажигиреем. Он, как думаю, сможет быть твоим защитником. Скажи ему: «Ажигирей, возьми меня в жены, я буду тебе верной подругой и матерью твоих детей».

Старик замолчал, пристально вглядываясь в прекрасное лицо девушки. Но Сатаней не покраснела, не опустили вниз ее большие ресницы.

— Дорогой мой дада, черкешенки и в старину умели сильно любить и не считали позором первыми признаться мужчине в своем чувстве. И я выполню твой необычный совет. Ажигирей любит меня, и я верю в его мужество.

— Но помни, Сатаней, что ты нарушаешь многовековой обычай, признаваясь ему первой. Он из рода Джатагажевых, который с давних времен избегает ссоры с князем Пшиканом. Из-за страха родители Ажигирея могут запретить ему жениться на тебе, и он может унижить тебя отказом.

— Дада, если это случится, хотя я не верю в это, пусть так! Значит он не достоин моей любви и мне не нужен слабый, трусливый муж. Будь спокоен, дада, я не дам себя в обиду и возьму в руки оружие, буду защищать свою честь, сражаться против несправедливости до конца, как делаешь это ты. Не думай, что я слабая девушка. Я учусь мужеству у тебя и горжусь тобою, мой милый дада. Ты и в старости не покроешь свою бороду ржавчиной и знаю, сегодня идешь к князю не для того, чтобы просить у него пощады.

— Ты права, дочка,— ласково сказал Огурлы и вышел.

Была темная ночь, и лишь яркие,

такие близкие в горах звезды освещали путь старику. Он уже дошел до калитки, как вдруг услышал звуки своей старой скрипки и нежный звонкий голос Сатаней. Она пела о девушке Гошагаг, которая была воином и погибла в сражении, защищая Черкесию от иноземных захватчиков. «Да будет аллах милостивым к ней, если она пойдет моим путем»,— подумал старик и двинулся дальше.

В доме князя Огурлы терпеливо ждали. Его встретили у ворот, проводили в хачеш, и Пшикан усадил его на почетное место.

— Как твое здоровье?— деликатно спросил князь, как это и положено в горах, не начинать важный разговор сразу, а подходить к нему медленно, интересуясь вначале здоровьем гостя и его делами. Пшикан говорил мягко, иногда шутил.

— Ты, князь, вежлив, как истинный черкес,— заметил Огурлы с легкой усмешкой.— Только к чему это. Говори прямо, что тебе нужно?

— Ты прав, уважаемый Огурлы,— сказал Пшикан.— Истинные черкесы умеют говорить не только вежливо, но и прямо, открыто. И я перейду к делу: сочини, уважаемый, песню обо мне. Я хочу, чтобы люди помнили мое имя, мои дела до тех пор, пока вода в реке Ходзь не превратится в камень, а камни в ущелье Ходзь не превратятся в воду и не потекут по руслу. Сделаешь это, никогда не будешь знать забот, нужды, горя. А когда умрешь, я велю поставить на твоей могиле памятник из самых больших камней и отделают их желтым, дорогим золотом. Я позабочусь и о твоей внучке, одену ее, как княжну, и отдам ее замуж за князя и устрою ей невиданную в наших горах свадьбу. Подумай, уважаемый Огурлы!

Долго думал старик, быть может, час или больше. А Пшикан не торопил его.

— Князь,— наконец сказал долго молчавший певец,— насколько мне известно, ты еще живой. Согласно же древнему черкесскому обычаю, не

положено хвалебную песню сочинять о живом человеке. Как мне быть?

— Уважаемый Огурлы, обычаи создают люди, и они их нарушают, когда это находят нужным. Тебе ли, певцу, об этом говорить? Ты знаменит, талантлив, и в этом твоя сила, и не ты ли установил в своем доме обычай — усаживать гостей не по их знатности, а по возрасту? Я тоже силен. Нет на черкесской земле князя могущественнее меня. Я хочу изменить обычай, о котором ты говорил. Мой аул — мой дом, и в нем я хочу устанавливать нужные мне обычаи и законы.

Старый Огурлы снова надолго задумался, затем встал, прямо посмотрел в глаза князя и коротко спросил:

— К какому сроку нужна песня о тебе?

Князь Пшикан тоже встал и ответил:

— Я с дружиной ухожу в набег и вернусь к зиме. Хватит ли тебе времени?

— Времени больше чем достаточно. Будет как ты сказал. Я сочиню песню, которая навсегда прославит тебя и твой род.

— Только не забудь, уважаемый Огурлы, что род Тегеноковых берет свое начало от солнца и луны,— беспокоило заметил Пшикан.

— Что еще скажешь, князь?

— Песню ты споешь во время пира, который я устрою по случаю возвращения из набега. На нем будет и большой князь Канок Таулустан. Я желаю тебе удачи!

После этого князь велел орку Камболату с почетом проводить старика до самого дома, поддерживать его за локоть и быть вежливым с ним, словно он знатный князь из сильного могущественного рода.

3.

Князь Пшикан с дружиной вернулся из набега ранним зимним утром. Вначале в южном конце аула Тегенокой грянул одинокий выстрел и эхом пронесся по узкому ущелью Ходзь, сотрясая морозную тишину. Он прозвучал как дальний раскат грома, и

дрогнули сердца жителей аула. Потом по улицам пробежал хромой глашатай Ханафа. Припадая на короткую ногу, он ломился сквозь сугробы выпавшего ночью обильного снега и кричал своим мощным голосом:

— Оуи-уй! Аул Тегенокой, к которому всегда милостив аллах! Слушай, слушай! Наш светлый князь Пшикан возвращается из набега с богатой добычей. Люди, готовьтесь к пиру, который начнется вечером при свете многих костров. На пиру будут большой князь Каноко Таулустан и князья соседних аулов. Готовьтесь к встрече, режьте баранов, коров и готовьте сладкую халву!

Как обычно, дети выскакивали из домов, но, заметив невеселые лица взрослых, останавливались у своих ворот. И потому одиноким ковылял хромой Ханафа, повторяя у каждого поворота одно и то же. Ему даже показалось, что многие аульчане крепче закрывают двери своих домов, будто не желая слышать весть о возвращении светлого князя.

Между тем орки стали седлать своих поджарых коней и по одному умчались в соседние аулы: так велел Пшикан, звать соседей на пир. К князю Таулустану на Большую Лабу поскакали три всадника, орки средних лет. Конечно, дальнюю дорогу по глубокому снегу и в морозный день легче было бы выдержать юношам, но Пшикан, заключив союз с крымским ханом, особенно тщательно решил придерживаться горских приличий и делал все, как положено, оказывал Таулустану особый почет и уважение.

Чуть позже, когда солнце поднялось из-за вершин и осветило ущелье Ходзь, в обширном княжеском дворе, вдоль ограды запылали огромные костры. В них холопы кидали целые бревна, и языки желтого пламени жадно лизали закопченные бока огромных медных котлов. В них варилось жирное мясо под наблюдением седобородых стариков. Старики деревянными вертелами, похожими на боевые пики, время от времени вытаскивали из котлов полупудовые куски ароматного мяса и

острыми кинжалами резали его, пробовали на вкус.

Соседи князя готовили столы, на них женщины ставили посуду и вкусную пищу и отгоняли подальше рабынь, дело которых подметать двор, носить из леса бревна для костров и воду из реки в узких кувшинах. Князь Пшикан был брезглив, как и его гости. Рабыни не должны прикасаться к пище или посуде. Они — неверные и молятся не аллаху, а богу с трудным, почти непризносимым именем.

Много было забот и у знатных девушек, которые наряжались на пир в лучшие свои наряды и заплетали волосы, украшали себя золотыми и серебряными кольцами, браслетами и бляшками.

Готовился к пиру и старик Огурлы. Он купил лучшие конские хвосты и из них выбрал самые крепкие блестящие волосы и равномерно натянул их на свою скрипку, намазал воском горных пчел. Столь же тщательно он подготовил и смычок, легкий и нежный. Потом он выпил несколько сырых куриных яиц, чтобы его голос звучал молодо и звонко, и ограничился легким завтраком: немного меда, козьего сыра и все запил отваром из только ему ведомых трав, среди которых были и желтые цветы зверобоя. У певца не должен быть большим желудок, затрудняющий дыхание, если он наполнен тяжелой и сытой пищей.

Как никогда в жизни приготовился Огурлы к исполнению песни, которую сочинял каждый день перед восходом солнца всю весну, все лето, всю осень,— песню о князе Пшикане. Старик понимал, что его будут слушать столько людей, сколько, может их поместиться в большом дворе князя и на близлежащих улицах аула Тегенокой.

Князь Пшикан и самые приближенные к нему орки появились среди собравшихся гостей вечером и внезапно для них. В этот момент его не ждали, хотя многие знали исключительное искусство князя внезапно появляться и незаметно исчезать. Пшикан спешился и, гремя оружием, стремительно вошел в просторный и богато украшенный хачеш. Чуть позже, буквально через несколько

секунд, прибыл, соблюдая этикет, большой князь Канок Таулустан. В хачеше за столом уже сидели почетные старики, и их быстро оглядел Пшикан, надеясь увидеть среди них Огурлы. Но певца не было. Он появился вслед за большим князем Канок, и получилось, что его встречали, а не он самого Пшикана и других важных князей.

— Он неисправим, — шепнул князь Таулустан хозяину и в иронической улыбке скривил губы.

Однако Пшикан слишком обрадовался появлению знаменитого старика и считал его приход на пир с тщательно настроенной шичапшиной в руках своей победой. Впервые Огурлы переступал порог княжеского дома, чтобы петь по заказу. Много раз в жизни другие князья приглашали его, но он неизменно отказывался. А вот на склоне лет не отказался и пришел прославлять Пшикана, самого богатого, сильного и удачливого из всех черкесских князей.

— Огурлы, ты холопом был и умрешь холопом, — громко сказал большой князь Канок, — потому что нарушаешь закон гор, который велит нам уважать больше всего знатность, древность происхождения рода. Но мы тебя прощаем и приглашаем на почетное место, ценя твое несравненное умение слагать песни.

— Если ты прав, князь, — возразил Огурлы, — то почему среди черкесов говорят: «Нет повода, чтобы перешагнуть хребет возраста?»

Почетные старики за столом зашептались, явно довольные ответом певца и охотно потеснились, уступая ему место рядом с тамадой. А Пшикан сказал, чтобы успокоить многих обиженных князей и орков:

— Уважаемые гости, важно ведь не то, кто поет, а как и о чем он поет. Испокон веков черкесы ценили слагателей песен и певцов. Разве это не так? Перед нами же постный старик и самый знаменитый из всех джагуако — Огурлы, и я его пригласил, чтобы он спел песню о своем князе. Она готова, уважаемый Огурлы?

— Да, — отвечал старик и сдвинул высокую папаху на затылок, оглядел всех гордо и независимо. Между тем тамада наполнил большую деревянную чашу бузой, которую делают из янтарных зерен желтой кукурузы, поднял ее и первый тост произнес в честь большого князя Таулустана. Чашка пошла, пошла по кругу, и каждый отпивал из нее по глотку. В других комнатах начали пить бузу младшие компании, и так начался пир.

Когда гости выпили достаточное количество бузы, их лица покраснелись, и залоснились губы, щеки от жирного и ароматного мяса. Буза разливалась по жилам гостей, как река в половодье, и веселила, бодрила. Они заговорили громко, захлопали в ладоши, и тогда заиграли гармошки и начались танцы. Молодые джигиты стали стрелять из пистолетов. А в хачеше, где сидели самые именитые князья, запели боевую походную песню, потом стали рассказывать друг другу о своих набегах, хвалиться своим героизмом в жарких схватках с неверными. Лишь Пшикан был необычайно скромн и молчалив. Ему казалось, что в таком случае на гостей песня старика Огурлы произведет особое впечатление и станут все ему завидовать: о нем, о его делах сложили песню при его жизни. И кто? — знаменитый, неподкупный певец. Такой чести еще не удостаивались другие адыгские князья. Когда людям весело, время проходит быстро. И длинная зимняя ночь пролетела, как одно мгновение. Настало утро, и тогда тамада поднялся и почтительно сказал Огурлы:

— Наш уважаемый и мудрый Огурлы, большой князь Канок просит тебя коснуться струн, натертых душистым воском, и спеть свою новую песню.

Певец согласно кивнул головой и величаво посмотрел на лица присутствующих, потом на тамаду. Тамада его понял и дал указание остановить веселье во всех комнатах, объявить на дворе, на улицах аула, что сейчас будет петь Огурлы. Хромой глашатай Ханафа не пожалел своей глотки и столь могуче

провопил: «Оуи-уй! Оуи-уй!», что неподалеку в горах сорвалась со скал снежная лавина и рухнула поперек притока Ходзи, перегородила его до самой весны ледяной плотиной.

— Оуи-уй! — вопил Ханафа.—
Слушайте, люди, новую песню Огурлы и запомните ее на всю жизнь.

Когда настала тишина, старик смычком тронул волосяные струны, и тонкий протяжный звук издала шичапшина, а потом запел Огурлы. Песню он начал с таких слов:

— Я сложил эту песню о князе Пшикане для того, чтобы его имя никогда не забыл черкесский народ и проклинал до тех пор, пока вода в реке Ходзь не превратится в камень, а камни в ущелье Ходзь не превратятся в воду и не потекут по руслу.

От неожиданности все слушатели онемели, а князь Пшикан закусил губу с такой силой, что возникла рана, и по бороде потекла почти черная кровь. Преданные орки схватились за пистолеты и кинжалы, но нельзя трогать певца при таком огромном стечении народа. Веками складывался неповторимый обычай у черкесов — джагуако неприкосновенен, когда он поет. Даже восклицанием, словом нельзя перебить песню. А кто посмеет это сделать, его убьют на месте и даже покровительство самых сильных и грозных князей не спасет его, потому что возьмутся за оружие все адыге.

Свою длинную и гневную песню Огурлы закончил такими словами:

— Аллах, я молю тебя, чтобы солнце и луна, от которых якобы пошел род Тегеноковых, больше не светили!

Потом наступила тишина, и первым ее нарушил певец, обратившись к Пшикану:

— Ты просил меня сложить такую песню о тебе, чтобы твое имя не забыли люди до тех пор, пока вода в реке Ходзь не превратится в камень, а камни в ущелье Ходзь не превратятся в воду и не потекут по руслу. Я обещал тебе и выполнил свое обещание. Твое имя люди никогда не забудут, князь Пшикан. Они всегда будут проклинять

тебя! Князь Пшикан вытер кровь со своей бороды рукавом белой шелковой черкески и сказал с такой холодной неистовой ненавистью, что даже большой князь Каноко Таулустан вздрогнул от ужаса:

— Огурлы, я никогда не нарушу древнего обычая, потому что тогда за оружие возьмутся все адыге. Но ты забыл об одном маленьком обстоятельстве — ты действительно не прикосновенен, пока поешь. Я даже восклицанием не могу перебить твою песню. Но ты кончил петь и теперь в моих руках. Камболат, свяжи его. После пира я придумаю ему такую казнь, что горы поседеют и начнут таять от моего гнева, как снег под лучами солнца, от которого пошел мой княжеский род!

Расталкивая гостей, верный Камболат бросился к старику, и никто не решался защитить певца. Но Огурлы вдруг усмехнулся, и вновь запела его скрипка, и запел он сам: Камболат остановился на половине дороги, а старик пел: «Продолжайте веселиться, я уйду с песней, которая моя сила и мое оружие. Я буду петь, пока бьется мое сердце. Я буду петь в аулах, обходя их один за другим. Я буду петь о простых людях, которые выращивают янтарную кукурузу, пасут скот, строят дома и буду звать их к борьбе со всеми князьями и орками».

Огурлы шел по улицам аула к своему дому и пел, а вооруженные орки князя Пшикана молча следовали за ним. Они знали, что и певцу когда-либо нужен отдых, и он смолкнет рано или поздно, и тогда они схватят его.

4.

Ажигирей узнал обо всем на следующее утро, когда вернулся с охоты. Он сменил утомленного на охоте коня на своего любимого лова, которого ему подарил год назад кулак Халид из Кабарды, и помчался к сакле Огурлы. Там он увидел поющего уже вторые сутки старика и полусонных орков, окруживших саклю певца. А Сатаней не было. Ее перед этим выкрали, взломав

дверь, завернули в черную бурку и унесли в далекий аул бжедугов, там спрятали, чтобы позже продать крымскому хану.

Повернул Ажигирей коня назад в горы, где перед этим охотился, а куда скакать, как найти следы похитителей, не знал. Но говорят в народе: «Влюбленному помогают камни и реки, лани и птицы, солнце и ветер». На вторую ночь храбрый джигит нашел аул, где спрятали Сатаней.

Ажигирей въехал в аул бжедугов поздно вечером и увидел, что в одной сакле окно хачеша темное. Он подумал: «Значит, у этого горца нет гостей» и въехал во двор. Коня привязал к коновязи, хотя в этом не было нужды. Кабардинский лов подпускал к себе только хозяина и откликнулся на его условный свист. Ажигирей зашел в хачеш, зажег лампу, стал ждать хозяина.

Хозяин пришел домой через некоторое время и первым делом он увидел коня, на котором еще были видны следы пота. Хаджирет — так звали хозяина — был пожилым человеком, и его житейский опыт подсказал — гость приехал издалека. Потом он спокойно зашел в хачеш и сказал молодому гостю:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам, — отвечал Ажигирей.

— Как твоё здоровье и здоровье твоих аульчан?

Ажигирей вежливо отвечал, что грех жаловаться аллаху на здоровье, затем назвал свое имя и после этого хозяин ушел. Они оба соблюдали этикет, согласно которому пожилой хозяин не может долго сидеть с молодым гостем и о многом расспрашивать его. Расспрашивать подробности, а главное — о деле, с которым явился гость, положено только на третьи сутки. Ничего не поделаешь, такой обычай был в те времена в горах Черкесии. И Ажигирей стал ждать, но дал Хаджирету понять, что он не хотел бы показываться на глаза аула. За трое суток гость понравился хозяину и его домочадцам. Он был, как истинный черкес, скромный, вежлив и со

всеми обращался по-братски.

— Пусть в вашем доме всегда будет каша и соль. Пусть ваш хачеш будет людным. Я многим вам обязан и никогда не забуду дороги к вам. Я из аула Тегенокой, который стоит на реке Ходзь, из рода Джатагажевых, сын Шумако Джатагажева...

И далее Ажигирей подробно рассказал сыну Хаджирета Абдулаху о событиях последних дней в его родном ауле и закончил так:

— Огурлы поет свои песни из последних сил и, пока он поет, орки князя Пшикана побоятся тронуть старика. А вот Сатаней, мою любимую, они похитили и спрятали в вашем ауле. Конечно, она нарушила обычай — только пусть это останется между нами — и первой призналась мне в любви, просила быть ее мужем и матерью моих детей. Так я за это полюбил Сатаней еще сильнее и дал ей клятву, что буду ее мужем. Помогите мне разыскать несчастную девушку, я ведь один и не могу рассчитывать на своих родственников, которые боятся князя Пшикана. Будь мне другом!

Абдулах выслушал Ажигирея и пошел к своему отцу Хаджирету. Долго не было его, но наконец он вернулся и сказал:

— Я задержался потому, что мой отец ходил к старейшине нашего рода и советовался, как тебе лучше всего помочь. Ответ такой: наш род никогда не отказывал кому-либо в помощи. Пока в нашем роду будет хоть один мужчина, который носит папаху, мы будем драться за справедливость. А твоё дело, Ажигирей, справедливое, и мне поручили быть названным братом Сатаней-Даха. Есть у меня и братья и друзья, в храбрости которых не сомневайся. Они помогут нам.

Уже на следующий день молодые джигиты узнали, что Сатаней держат взаперти в доме одного князя и что специальной охраны нет. Но хачеш князя полон кунаков, вооруженных орков, и они гуляют, пропивают награбленное в летних набегах добро.

Успех дела решила внезапность.

Друзья Абдулаха стремительно освободили девушку и умчались в горы, и погоня была бесполезной. Под утро отважные джигиты спешили, стали в круг под огромной яблоней, ветви которой гнулись от влажного снега, и вышел вперед Абдулах, остановился перед Сатаней и произнес клятву:

— Отныне я объявляю, что ты, Сатаней, моя сестра на этом и том свете!

Сатаней ему ответила:

— Я тоже объявляю тебя моим братом на этом и том свете. А вас, отважные джигиты, прошу: дайте мне саблю!

Ей подали саблю в серебряных ножнах. Девушка с силой выдернула клинок из ножен, подняла его над собой и воскликнула:

— У черкешенок не менее отважные сердца, чем у вас, мужчины. И в бою со злом и несправедливостью вы убедитесь в этом. А теперь подайте мне коня!

К ней подвели самого лучшего коня. Она села на коня.

— Клянусь, что я, пока бьется мое сердце, не выну ног из стремени! А теперь, мой друг Ажигирей и мой брат Абдулах, поскакали в аул Тегенокой. Нам надо спасти великого певца черкесов, моего дада Огурлы.

Три всадника попрощались с храбрецами из аула бжедугов и исчезли в потаенных тропах, которых так много в горах Кавказа.

Все трое чувствовали себя счастливыми людьми: любимые нашли друг друга и брата, который ехал позади Ажигирея и Сатаней и с радостью мечтал, как он появится в ауле Тегенокой, подойдет к Огурлы и скажет:

— На этом и тем свете ты мой отец!

А знаменитый старик свою руку положит на плечо Абдулаха я тоже скажет:

— Ты мой сын на этом и том свете!

5.

В тот день, когда на долю старого певца Огурлы выпали самые тяжкие

мучения в его нелегкой жизни, мороз стоял такой, что плевок на лету превращался в лед. Над рекой Ходзь стоял пар, а солнце было бледное, словно озябшее, и оно медленно поднималось, и его слабые лучи не могли согреть галок, в изобилии черневших на белом снегу за аулом. И лес казался ниже, потому что его придавил мороз.

Такие морозы в горах редкость. Они бывают, когда дует южный ветер с полуночи и до обеда. И аульчане, боясь отморозить уши или нос, долго не выходили на улицу и не знали, что совсем ослаб Огурлы, певший без передышки семь суток, ровно столько, сколько у князя Пшикана длился пир. Его песня, ободрявшая людей, оборвалась под утро, и орки схватили его.

Когда старика по приказу князя повели к реке, по аулу раздались крики хромого глашатая Ханафы:

— Ведут! Ведут!..

Кого ведут, куда ведут и кто ведет? Не сразу это поняли люди и выскочили из своих домов, вначале увидели всадников из княжеского рода с саблями наголо и вооруженных орков. Они были пьяные и в ярости кричали на холопов, тхукотлей и запрещали им выходить из домов на улицы и проулки. В центре княжичей устало шел Огурлы. Его вели к берегу реки Ходзь. Пешие орки с пистолетами в руках, подталкивали его в спину, а некоторые даже жалели и пытались поддержать старика, но он их отталкивал, полный презрения к своим палачам.

А людей собиралось все больше и больше. И наконец вышли на улицу все жители аула, когда разнеслось известие: «Огурлы ведут убивать». Заголосили женщины, стали плакать дети, и завыли ничего не понимающие собаки Тегенокой. Несколько белобородых стариков решили от имени всего аула идти к князю и просить его, чтобы не убивали Огурлы. К ним присоединились и старухи.

Делегацию стариков и старух князь встретил мрачно, сказал:

— Я не сильно нарушаю обычай. Пока он пел, его никто не трогал.

Певец до тех пор неприкосновенен, пока он поет. Так ведь, уважаемые? А не может петь, он — никто, жалкий холоп, которому надо работать в поле, таскать камни и повиноваться своему князю.

После этих слов Пшикан вскочил на коня и поскакал на крутой берег Ходзи, где на белом снегу орки разложили новую черную бурку, и на нее поставили маленькую скамейку с тремя пистолетами. Князь спешил и стал ходить вокруг бурки, потирая зябнувшие руки. Вскоре к нему подвели Огурлы, и Пшикан спросил:

— Ты хочешь жить?

— Да, — хрипло ответил старик.

— Уважаемый Огурлы, я человек жалостливый, добрый и понимаю тебя, хотя ты меня обидел. Скажи, для чего ты хочешь жить?

— Чтобы петь свои песни, светлейший князь.

— Тогда пой, и тебя никто не тронет. Камболат, дай ему скрипку!

Камболат молча повиновался и подал певцу шичапшину, и тот бережно взял ее негнушимися руками, но уставшие, замерзшие пальцы не могли как нужно держать смычок.

— Вот видишь, — засмеялся князь. — Ты не певец, а нашкодивший холоп. Ведите его к проруби!

Прорубь была свежей и сделана специально для Огурлы. В нее было видно, как с шумом несется черная вода реки Ходзь. Один из орков сказал старику:

— Нам велено раздеть тебя догола и поставить в эту прорубь. Князь считает, что ты пел песню о нем, напившись бузы, и тебе надо протрезветь.

Старик заплакал от унижения, ему стыдно было показаться перед людьми совершенно голым, и он попросил, чтобы орки отошли от него и сам разделся, спустился в прорубь в кальсонах, в воде снял их и выбросил. Потом взял в руки свою скрипку, а князь прицелился в старика из пистолета и выстрелил, но не попал.

И тут Огурлы запел необычайно чистым и звучным голосом, как никогда в

жизни. Песня его лилась над аулом и над вершинами гор и звала к борьбе, проклинала князей и орков. «Пусть перестанут светить солнце и луна, раз есть на свете угнетатели, — пел старик. — Я проклинаю их и, умирая, вижу тот день, когда люди будут свободными и заживут единой семьей».

А звуки старенькой шичапшины гремели, как фанфары, и звали в бой.

И князь в ярости нарушил древний, как Кавказские горы, обычай. Он хватал пистолеты и стрелял, стрелял в непокорного певца...

— Дада, дада, — закричали дети, — убегай! Убегай, дада!

А старухи стали разрывать платья, обнажая худые высохшие груди. Молодые женщины срывали с себя головные платки, что было равносильно обнажению материнской груди и означало высшую просьбу. По законам гор не выполнить такую просьбу нельзя — несмываемый позор для горца любого ранга. Но Пшикан словно обезумел со своими княжичами. Пули пистолетов дробили голубоватый лед вокруг певшего старика до тех пор, пока одна из них не попала ему прямо в сердце.

А к берегу уже скакали на лошадях, бежали мужчины с вилами, лопатами, топорами и просто с крепкими суковатыми палками. Но кто они по сравнению с обученными и отлично вооруженными княжичами и орками? Их отесняли лошадьми, валили в снег, рубили саблями. И тут появились Ажигирей, Сатаней и Абдулах. Они выхватили клинки и пистолеты и в одно мгновение прорвались к черной бурке, на которой стоял князь Пшикан. Просвистела сабля Ажигирея, и князь рухнул в белый снег.

Так началась страшная схватка и продолжалась она до самого вечера. А к вечеру поредевшая дружина князя дрогнула и оставшиеся в живых орки спаслись бегством. В итоге погибли все взрослые мужчины княжеского рода, а он был невелик, всего пять дворов. Холопов и тхукотлей погибло в несколько раз больше. Тяжелой оказалась победа и

долго хоронили и оплакивали в ауле Тегенокой погибших, потом создали свою дружину, и во главе ее стал Ажигирей. На общей сходке было решено жить, как завещал старик Огурлы,— единой, дружной семьей, без князей и орков.

б.

У черкесов есть такая поговорка: «Среди ядовитых трав, которые умерщвляют человека, есть и такие, которые могут спасти от смерти». Подобно таким травам оказались некоторые князья и орки, которые предупредили свободных жителей аула Тегенокой, что большой князь Таулустан решил напасть на них и всех уничтожить. События на берегах реки Ходзь слишком взволновали холопов и тхукотлей во многих аулах Черкесии. Угнетенные и обездоленные поняли, что с князьями и орками можно бороться и даже победить их и жить по-новому. Заколебалась многовековая власть князей и лучше других понял грядущую опасность Канок Таулустан, умный и дальновидный правитель. Он начал объединять вокруг себя князей и орков, но раздоры и междоусобицы мешали ему. И нашлись в его лагере «ядовитые травы» — такие люди, которые из самых различных побуждений стали сообщать Ажигирею и его друзьям о всех замыслах большого князя.

Ажигирей хорошо понимал, что аулу в предстоящей борьбе не устоять. И он пошел к старейшине рода Джатагажевых Адамею. Это был мудрый столетний старик с большим авторитетом.

— Как нам жить дальше, дада? — спросил молодой джигит.

Долго сидел Адамей и, поглаживая длинную узкую бороду, думал. Потом сказал:

— Собери сход жителей аула. Пусть приходят все, мужчины и женщины, и высказываются все!

Долго длился сход жителей аула Тегенокой. Одни говорили, что надо разойтись семьями, кто куда хочет и в одиночку искать спасения от нашествия дружин Таулустана. Другие предлагали

идти к сильному бжедугскому князю и просить у него защиты.

Выслушал старый Адамей всех, кто хотел говорить, и дал людям совет: не торопиться к бжедугскому князю, как считали многие, а послушать, что думает молодой Ажигирей и внучка Огурлы, великого джагуако.

Ажигирей встал перед сходом и сказал:

— По старым обычаям черкесов мне не положено не только говорить, но даже присутствовать на исходе. Слишком я молод, но мне позволили говорить дада Адамей и вы все. И вот вам мое мнение: мы сбросили своего князя и его орков не для того, чтобы теперь служить бжедугскому или другому князю. Князья и орки везде одинаковые, так думаю. И потом, скажите, ради чего погибло столько наших отцов, матерей, братьев и сестер, которых мы недавно оплакивали и положили в холодные могилы? И расходиться семьями тоже не дело. Говорят же: «Если девять мышей дружно возьмутся, они могут сорвать крышку кадушки». Поэтому нам нужно сплотиться и уходить в глубь гор. Там есть труднопроходимые, потаенные места и мы сможем жить свободно, одной большой семьей и защищаться там от набегов нам будет легче. Вы слышали, что пел, замерзая в проруби, великий слагатель песен Огурлы? «Пусть потухнут солнце и луна, от которых рождены князья. И тогда засветят солнце и луна всех бедных и угнетенных!»

Адамей спросил его:

— Может, теперь послушаем Сатаней?

Сатаней, как и положено скромной черкешенке тех времен, стояла в стороне и коротко изложила свое мнение одному из мужчин. Он выслушал ее и затем вышел и стал лицом к людям, сказал:

— Вот что передала мне Сатаней: «Аульчане, я давно отложила в сторону нитки, как бы забыв, что я девушка, и взяла в руки оружие. Оно в моих руках не покроется ржавчиной. Как нам быть дальше, знаю, и мое мнение высказал тот, кому это положено».

Закивали головами старики и старухи. Всем им понравилось поведение Сатаней — истинной черкешенки. Она, глубоко уважая старинные обычаи, не говорила перед стариками. За нее это сделал мужчина. Кроме того, она тактично намекнула, что хотя еще не жена Ажигирея, но считает его своим мужем. Ибо по черкесскому обычаю сказанное мужем одинаково с мнением жены — «мое мнение высказал тот, кому это положено».

Но вот снова встал столетний Адамей перед сходом и сказал, подзвав к себе Ажигирея и погладив его по голове:

— У Ажигирея мудрость не по возрасту, мужество не по возрасту. Пусть он будет предводителем нашего нового аула в далекой и недоступной горной долине!

Зашумели горцы, одобряя предложение старика, и Ажигирей воскликнул:

— Да поможет мне аллах, да поможет мне мудрость стариков оправдать ваше доверие!

После схода начались напряженные дни, полные трудов и забот. В дальний и неизвестный путь готовились тщательно и совершенно секретно. На подступах к аулу день и ночь дежурили пикеты, и ни один путник не мог пробраться незамеченным в Тегенокой. Вооружили всех, кто только мог владеть оружием. Особый отряд из молодых женщин и девушек возглавила Сатаней-Даха.

Скот в горы отправили заранее, за ним вереницей потянулись подводы со стариками и детьми и вьючные лошади с продуктами и вещами.

Последними обреченный аул покинули вооруженные мужчины, покинули за несколько дней до того, как разведчики сообщили, что в поход двинулись многочисленные отряды большого князя Каноко Таулустана.

Таким образом, когда каратели достигли мятежного аула, они увидели лишь большие кучи золы да кое-где тлевшие угли сожженных домов.

Взбешенный князь Каноко попы-

тался найти следы ушедших, но все было бесполезно. Казалось, будто целый аул, сотни его жителей провалились сквозь землю. А беглецы между тем прошли почти все ущелье Ходзь, обошли не одну гору и не один хребет и оставили позади много боковых ущелий и через десять дней пути попали к водопадам и там долго кружили среди скал, пока не нашли совершенно незаметный проход в долину, известный до этого лишь одному Ажигирею. К несчастью, зима выдалась ранней, выпал обильный снег и так засыпал узкий проход, что через него пробивались с лопатами в руках больше недели. Уставшие люди стали роптать. Собираясь в минуту отдыха около костров, они говорили:

— Мальчишка Ажигирей заставляет нас рыть пещеру в горе. Она станет нашей общей могилой.

— За этой снежной стеной нет никакой долины. О ней не слышали и наши предки.

Но подходил к людям старый сгорбленный Адамей, и разговоры смолкали. Он был старейшим из самого большого и сильного рода Джатагажевых и хотя сложил с себя полномочия предводителя, его слово оставалось решающим. Адамей подбадривал уставших, впавших в уныние до тех пор, пока не слег. Он умер на рассвете шестого дня. Его похоронили в скорбном молчании рядом с двумя джигитами, которые попали под снежную лавину. И многие в этом увидели дурное предзнаменование. На следующее утро не раздался, как обычно, крик хромого Ханафы, оповещающего о выходе на работу к снежной стене. Ханафа пришел немного позже с группой стариков, которые объявили предводителю об уходе некоторых семей назад:

— Ажигирей, лучше сдаться на милость большого князя Таулустана, чем погибнуть здесь. Смотри, болеют дети, старухи, и начнется скоро мор. Надо возвращаться!

Задумался молодой предводитель и не находил больших, ярких слов, чтобы убедить пришедших. Он понимал, уйдут

несколько семей, и дело погибнет, даже если останутся остальные. Ведь тайна свободной долины станет известной князьям и оркам.

— Разрешите мне, уважаемые, подумать до обеда,— сказал Ажигирей.— Когда поднимется солнце, я скажу свой ответ.

Старики ушли, а предводитель собрал в круг под большой сосной своих ближайших друзей. Были тут и Сатаней и брат ее Абдулах.

— Я вот что предлагаю,— сказал Абдулах.— Надо собрать весь порох, какой у нас есть, сложить его в дубовый с медными обручами бочонок и закопать его поглубже в снежную стену, завалить камнями и пусть огненная сила сделает то, что не могут сделать лопаты в наших ослабевших руках.

Это предложение ободрило всех и было принято единогласно. И началась подготовка к взрыву, а Сатаней взяла старую шичапшину Огурлы и запела песню, которая призывала всех к борьбе. В ней были такие слова: «Скорее вода в реке Ходзь превратится в камень, скорее камни в ущелье Ходзь превратятся в воду и потекут по руслу, чем свободные жители аула Тегенокой согласятся жить по-старому, под властью князей и орков».

Песня Сатаней летела над горами, и скоро ее подхватили все: мужчины, женщины, дети.

А в обед, когда солнце поднялось высоко и осветило неприступную стену, раздался громopodobный взрыв и люди увидели то, к чему стремились — свободную долину

Потом прошло много лет, и, наконец, наступило время, когда непокорный аул открыл свою долину для всех,— это случилось после 1917 года, положившего начало новой эпохе в жизни человечества всего земного шара. И если вы когда-либо попадете в Новый Тегенокой, не удивляйтесь гордой осанке, чуткости на правду и ложь, на доброе и недоброе дело здешних жителей. И обязательно послушайте стариков о былом, легенду о знаменитом певце Огурлы. С него ли все началось? Может, и

не было так, что он пел семь суток подряд?

— Нет, так было, было,— заупрямятся старики, и дети это подтвердят, не потому, что они легковверны, а оттого, что нет, по их мнению, силы, способной сломить волю и мужество настоящего человека. Про Гастелло расскажут, вспомнят Зою Космодемьянскую и, конечно, Сатаней.

Что правда, то правда: скорее вода в реке Ходзь превратится в камень, чем мы, люди Советской земли, свернем с пути, который проложили к Свободе наши деды...

Перевел

с черкесского Вадим Чернов.